УДК 338.43.02

Теоретические основы формирования эффективной системы аграрных отношений

И. БУЗДАЛОВ, академик РАН, главный научный сотрудник Всероссийского института аграрных проблем и информатики им. А.А.Никонова

аграрная теория, аграрные отношения, аграрная политика, базовые основы, собственность, интересы, интенсификация, рентные отношения, аграрный кризис, регулирующие функции государства, аграрный протекционизм

agrarian theory, agrarian relations, basic principles, ownership, interests, intensification, rental relations, agrarian crisis, regulating functions of the state, agrarian protectionism

Жизненность, степень соответствия той или иной концепции экономических отношений общечеловеческим ценностям определяются глубиной и объективностью ее теоретико-методологического обоснования. «Задача экономической теории заключается в том, — отмечают авторы популярного в мире учебника по экономике К.Макконнелл и С.Брю, — чтобы привести в систему, истолковать и обобщить факты (то есть практические иллюстрации и подтверждения — *И.Б.*)»[1]. Принципы и теории — конечный результат экономического анализа — вносят порядок и смысл в набор фактов, связывая их воедино, устанавливая надлежащие связи между ними и позволяя сделать определенные обобщения. Теория без фактов, — по высказыванию Кеннета Е.Боулинга, — может быть пуста, но факты без теории бессмысленны. Иначе говоря, не всякая практика может быть критерием объективности истины, то есть подтверждением действительной научности ее теоретического обоснования, в частности, например, «порядка и смысла» построения современной системы аграрных отношений в России.

Заметное ослабление внимания к теории аграрных отношений с началом проведения рыночных реформ привело к субъективным решениям в аграрной политике и негативно сказалось на осуществлении узловых практических мер по обеспечению устойчивого, высокоэффективного социально-экономического развития сельского хозяйства и созданию необходимого уровня и качества жизни в деревне. Поэтому теоретическое переосмысление осуществляемых в последние 20 лет аграрных преобразований, повышение теоретико-методологического уровня их исследования представляется особенно актуальным.

Важно учитывать, что для выхода на более эффективные практические решения следует исходить из общей специфики изучения объективных закономерностей развития экономических отношений. Теоретическое осмысление этих закономерностей предполагает использование, прежде всего, метода научной абстракции. Но, чтобы с помощью этого метода понять смысл происходящих в экономических отношениях объективных процессов, а не ограничиваться субъективными соображениями или предположениями, необходимо опираться на обобщающие характеристики развития этих отношений в реальной жизни, прогрессивную международную практику. В противном случае научные абстракции превращаются в надуманные, оторванные от жизни искусственные схемы и псевдотеоретические догмы. Эта участь постигла многие марксистские теоретические конструкции, в частности касающиеся собственности, рыночных отношений, крестьянского вопроса и т.д., хотя Ф.Энгельс в предисловии к III т. «Капитала» К.Маркса указывал на порочность «втискивания» экономических явлений и процессов в «окостенелые определения».

Аграрные отношения — важная сфера социально-экономических отношений в обществе, их фундаментальная основа. Этим определяется общая направленность и глубина теоретического осмысления сущности, движущих сил, исторических периодов развития отношений между людьми в процессе воспроизводства самого первого условия их жизнеобеспечения, то есть продуктов питания. Теория аграрных отношений, или аграрная теория, как одно из важнейших направлений науки об обществе может рассматриваться лишь с позиций системного подхода и единого мирохозяйственного процесса — какой бы ни была специфика отдельных стран. Она представляет собой тесно взаимосвязанную совокупность основополагающих идей и опирающихся на практику абстрактно-логических представлений о закономерностях развития и принципах жизнедеятельности крестьянских сообществ, об экономических и социальных отношениях в сельском хозяйстве и в общих рамках социально-экономической системы государства. При этом, как и в любой сфере человеческой деятельности, первоосновой, главной движущей силой в становлении и развитии аграрных отношений, а следовательно, в теоретических представлениях о них выступает непосредственный сельский товаропроизводитель с его общечеловеческими ценностями, интересами, но с особым характером трудовых и духовных начал, самосознания, образа жизни.

Всесторонняя теоретическая характеристика современной системы аграрных отношений в России и доказательные прогнозные раз-

работки в области теории их развития предполагают не только выявление первоосновы и движущих сил, общих и специфических закономерностей, но и определяющих условий и факторов их эффективного функционирования. Исходный пункт такой характеристики — установление «постоянно действующих» ценностных ориентаций и устремлений крестьянского сословия, объективно обусловленных его социальной природой, с выделением особых мотивов жизнедеятельности различных групп, неизменно проявляющихся на всех этапах становления и развития аграрного строя. А это значит, что разработка подлинно научной теории аграрных отношений применительно к современной российской действительности, которая бы давала выверенные практические ориентиры и политэкономическую базу для взвешенной государственной аграрной политики, возможна лишь при условии соответствующих общеисторических обобщений.

«Без знания истории, — писал В.О.Ключевский, — мы должны признать себя случайностями, не знающими, как и зачем мы пришли в мир, как и к чему должны стремиться»[2]. Очевидно, что только знание истории аграрных отношений, закономерностей реализации указанных, постоянно действующих ценностей, всесторонний учет стремлений и интересов их субъектов, только критическое рассмотрение научных взглядов и течений в отечественной и мировой агроэкономической мысли в этой области позволяет делать достоверные теоретические выводы по вопросам современного переходного состояния и перспектив устойчивого социально-экономического развития сельского хозяйства и всей агропродовольственной системы страны.

С позиций общего концептуального понимания существа проблемы при ее системном анализе принципиально важно выделить и теоретически осмыслить социально-экономическое содержание, а также *проследить возникновение и эволюцию подсистем аграрных отношений*. Исторически основными из них являются: формы хозяйства и движущие силы жизнедеятельности крестьян и крестьянских сообществ; отношения собственности, прежде всего земельной, с адекватным на каждом этапе механизмом ее экономической реализации; «внешние» отношения крестьянства (с партнерами агропродовольственной системы и государством) в сферах обмена, распределения и потребления.

Принято считать, что аграрные отношения представляют собой производственные отношения в сельском хозяйстве, определяемые формами землевладения и землепользования. Такое определение с некоторыми различиями в формулировках (в частности, упомина-

нием о владении и использовании и другими средствами производства) дается во многих энциклопедических изданиях советского и современного периодов, в учебных пособиях и научно-исследовательских работах. Однако оно является односторонним и методологически неправомерным уже потому, что в стороне остается главный субъект аграрных отношений — человек с его особой формой жизнедеятельности.

Формально участие крестьянина в системе этих отношений как бы предполагается, но его функция как главной производительной силы аграрного производства заслуживает приоритетного упоминания. В связи с этим в общем теоретико-методологическом исследовании аграрных отношений следует четко выделять *три базовые элемента: человек, непосредственный участник производственного процесса в сельском хозяйстве; собственность с адекватными его интересам формами экономической реализации; государство, выполняющее правовые и экономические регулирующие функции*.

Применительно к сельскому хозяйству в центре, точнее на вершине этого треугольника, находится крестьянин — главное действующее лицо в развивающейся, обновляющейся практике аграрных отношений, что должно отражаться в аграрной политике, обеспечивающей реализацию личного, прежде всего материального, интереса земледельца. Обеспечение этого интереса — приоритет, как в непосредственно воспроизводственном процессе, так и в аграрной политике государства. Два условия или две другие названные базовые основы прогресса необходимы для такой реализации: естественное и неприкосновенное право частной собственности (в индивидуальной или коллективной, по свободному выбору человека, хозяйственных формах) и адекватная личному интересу и праву частной собственности, следовательно, *подчиненная* этому праву и личному интересу регулирующая деятельность государства. Мирохозяйственные процессы показывают, что именно на таком органическом соединении и взаимодействии всех трех основ общественного устройства, и, прежде всего, его экономической составляющей, зиждется теоретическая база исследования аграрных отношений. Доказывать можно что угодно и как угодно, лишь бы в умозаключениях не отрываться от представлений о путях и формах их развития и проводить в соответствии с этими представлениями аграрную политику, иначе возникают такие явления, как осуществлявшаяся в СССР до и после НЭПа политика «военно-феодальной» эксплуатации крестьянства.

В исследовании развития теории аграрных отношений важна системность, выделение и предметно в тесной взаимосвязи изучение

структурных элементов этих отношений. Здесь сочетаются как общие, политэкономические элементы системы (теории отношений собственности, рынка и его категорий, ценообразования, экономического роста, предельной полезности, кризисов и т.д.), так и специфические элементы, присущие системе и механизму аграрных отношений. В основное ядро собственно аграрной подсистемы экономической теории входят теория земельных отношений, в которой выделяется теории земельной собственности, земельной ренты, форм ведения хозяйства с выделением теоретических основ крестьяноведения, «преимуществ» крупного и «устойчивости» мелкого производства, аграрных кризисов, аграрного протекционизма. Особые теоретические подходы обусловливает специфика аграрной сферы в вопросах ценообразования, налогообложения, экономического механизма в сельском хозяйстве и АПК в целом.

В любой системе есть фундаментальная основа, вокруг которой в тесной взаимосвязи и иерархической зависимости, «подчиненности» функционируют другие ее элементы, значение которых в процессе исторического развития может меняться. Однако в земледельческой практике и, следовательно, в теории аграрных отношений неизменным был и остается *приоритет отношений собственности, прежде всего земельной*. Как теоретически обосновываются и практически решаются вопросы собственности в сельском хозяйстве, а, следовательно, другие «производные» научные направления аграрной теории, так функционирует вся система аграрных отношений, решается ее центральный, так называемый крестьянский, вопрос. Или крестьянин, труженик земли задействован в общественной модели, где он в соответствии в объективными закономерностями социально-экономического развития свободно выбирает форму хозяйства и жизнедеятельности, получая необходимое для этого содействие со стороны государства, или, наоборот, государство, исходя из заявленных якобы «высоких», на деле надуманных идеологических фантазий принудительно навязывает заведомо чуждую сельскому труженику форму жизнедеятельности, втискивая его в модель, попирающую гражданские и экономические свободы, «естественные» жизненные устремления и общечеловеческие ценности.

История прогрессивной мировой экономической мысли, в том числе российской, однозначно свидетельствует о ее развитии от последней модели к первой, как бы ни пытались институт собственности, прежде всего частной, как незаменимый в части реализации личного интереса отодвинуть с его центрального места в экономической, следовательно, аграрной теории и экономике. Крестьянин, лишенный собственности или довольствующийся общей, обобще-

ствленной (совместно-ничейной) собственностью, лишается стимулов к творческому труду, житейской прочности и уверенности в будущем. Право частной, прежде всего земельной, собственности, наоборот, создает эту прочность и уверенность, обеспечивая эффективное взаимосвязанное функционирование других форм и всей системы аграрных отношений, всех элементов и рычагов механизма хозяйствования, подтверждая тем самым высокую степень научности аграрной теории.

За рамки такого понимания сущности, роли и функций отношений собственности, прежде всего и главным образом приоритетной и высокоэффективной ее формы — частной, в демократическом правовом государстве, утверждающем и защищающем общечеловеческие ценности выходит пассивная или безразличная к этой форме социальная группа сельских маргиналов или людей, по своей природе не способных быть рационально хозяйствующими собственниками; их удел — наемный труд. У нас же речь идет о «нормальных», «мирных детях земледельческого труда», об эффективных собственниках, на умелой, творческой хозяйственной деятельности которых (составляющих активное аграрное «меньшинство») строиться процветающее в экономическом и социальном плане сельское хозяйство цивилизованных стран мирового сообщества.

Из сказанного следует, что *центральным объектом теоретико-методологической направленности исследования аграрных отношений является непосредственно земледелец с его собственностью, правом распоряжения ее материальным выражением, прежде всего землей*. В течение тысячелетий, тем более в эпоху, когда господствующей отраслью в экономике было сельское хозяйство, а основным условием всего процесса экономического развития — земля, формировалась определяющая роль земельной собственности. Разложение первоначальной, примитивной по сущности общинной собственности и образование социальной группы эффективных частных собственников стало закономерным следствием «естественного» стремления наиболее деятельных, предприимчивых людей индивидуально, как правило на основе семьи, владеть землей, другими средствами производства. С учетом этого стремления, зарубежного опыта в России, начиная с трудов И.Т.Посошкова, затем членов ИВЭО, реформаторских начинаний М.М.Сперанского, создавалась теоретическая база для проведения сначала половинчатой крестьянской реформы 1861 г., а впоследствии радикальных аграрных преобразований П.А.Столыпина. Эти преобразования были направлены на окончательное разрушение сохранившихся феодальных порядков полукрепостнического аграрного строя, представленного общиной с ее

уравнительным переделом земель, круговой порукой, сословной замкнутостью и другими, по словам В.И.Ленина, «реакционными» чертами. Община лишала прирожденных земледельцев, «культурных» хозяев важнейшей общечеловеческой ценности — права частной собственности, следовательно, права на свободный, предпринимательский труд. Одновременно она закрывала путь к становлению и эффективному развитию добровольных сельскохозяйственных кооперативов, на подлинно демократических основах объединяющих этих хозяев, то есть самостоятельных членов-собственников земли и других средств производства.

Некоторые современные приверженцы общинных и советских колхозных порядков ссылаются на разного рода опросы, якобы показывающие, что большинство сельских жителей, бывших колхозников и рабочих совхозов, выступают против частной земельной собственности, рынка земли. Если даже это так, то основная причина такого отношения к земле — советская система аграрного строя и стоявшая за ним «передовая» аграрная теория. Общеизвестно, что с момента коллективизации в течение десятилетий крестьяне жили в тех же, а нередко даже худших в сравнении с примитивной общиной условиях «забитости и одичалости», породивших у этого «большинства» безразличие к обобществленной, совместно-ничейной собственности. Но и в этих условиях сохранилась ниша, спасительная для этого силой насажденного неокрепостнического аграрного строя, — приусадебное семейное хозяйство (устаревшее и несостоятельное по сути название —ЛПХ). Только в этой нише крестьянин заинтересованно трудился, и фактически на труде владельцев этих хозяйств существовало коллективное хозяйство с его, по Чаянову, «слабой организующей и предпринимательской волей»[7].

Современное российское крестьянство получило конституционное право частного ведения хозяйства на земле. И, хотя во многом это право реализуется в основном в форме условных земельных долей, в целом сделан решительный шаг в сторону становления рыночной социальной структуры аграрного сектора страны. Завершение этого процесса и превращение сельского хозяйства и всей агропродовольственной системы России в индустриально развитое и социально обустроенное структурное подразделение народного хозяйства зависит от того, насколько аграрная политика государства будет соответствовать положениям научной аграрной теории, реализуемой в практике аграрных отношений многих стран мирового сообщества. Пока эта политика не отвечает этим положениям, хотя нынешние власти на словах призывают к использованию опыта развитых стран, являющихся, как и Россия, членами ВТО.

Наиболее слабое звено в политике — ущемление ее протекционистской составляющей, обусловленной особыми условиями ведения сельского хозяйства, его зависимостью от природных факторов, низкой привлекательностью для частных инвесторов и т.д. Вследствие замены после НЭПа протекционистской политики пресловутой политикой «перекачки» сельское хозяйство России оказалось в состоянии глубокого аграрного кризиса. По этой причине и до сих пор оно не может выйти на главный путь — системную интенсификацию производства, соответственно инновационную стратегию, а потому не способно обеспечить прочную продовольственную и тем самым надежную общую национальную безопасность страны. И сколько бы сейчас не говорили об успехах в сельском хозяйстве, ссылаясь на экспорт зерна, отрасль не преодолела возникшего в начале нынешних реформ сопоставимого с последствиями коллективизации провала.

Показатель зернового импорта при бедственном положении животноводства свидетельствует лишь о запредельных структурных диспропорциях в сельском хозяйстве. Зерно экспортировали и в конце 20-х начале 30-х годов прошлого века, оставляя животноводство и самих крестьян на голодном пайке. И сейчас экспорт зерна в среднем за год в объеме 12—14 млн т при импорте продукции животноводства, эквивалентном 16—18 млн т (общем импорте продовольствия на сумму свыше 40 млрд долл., превышающем объем собственной товарной продукции сельского хозяйства), свидетельствует об однобокости, ущербности проводимой аграрной политики. Зерновой экспорт без ущерба для развития животноводства оправдан при условии общего объема производства зерна на уровне примерно 1 т на душу населения, а в рамках такой политики этого достичь невозможно.

Прежний режим разорительной для села политики перекачки, безусловно, ослаблен, но сельское хозяйство продолжает оставаться в жестких тисках монопольного окружения. Власти оперируют цифрами годовой господдержки села около 5 млрд долл., но умалчивают, сколько через диспаритет цен и весь механизм перекачки изымается из результатов крестьянского труда. По расчетам, на товарную продукцию в пользу субъектов монопольного окружения, включая само государство, из этих результатов ежегодно «перекачивается» свыше 40 млрд долл. Причем из указанной суммы господдержки через экономически необоснованное налогообложение более половины государство забирает назад. Это как две капли воды напоминает взаимоотношения двух генералов и накормившего их «тунеядца» мужика на необитаемом острове, получившего за свой труд «рюмку водки да пятак серебра».

Президент Российской Федерации В.В.Путин, инициатор приоритетного национального проекта «Развитие АПК» на 2006—2007 гг., тогда же указывал на слабое определяющее звено этого проекта — «недопустимо малое финансирование». Последствия известны: приоритет оказался декларативным, дело с места почти не сдвинулось, а за два года реализации указанного проекта импорт продовольствия в страну удвоился. В последующие годы бюджетная политика по отношению к сельскому хозяйству мало изменилась. Отсюда ресурсная база сельского хозяйства, особенно социальной сферы, сельская демография (за исключением небольшого числа современных маяков, как правило, получающих рентные доходы) крайне деградированы.

При оплате сельскохозяйственного труд, почти вдвое заниженной по сравнению со средним по экономике уровнем (против 95% в 1990 г.), подрываются стимулы к высокопроизводительному труду, что в условиях сохраняющегося ценового даспаритета привело к фактической убыточности отрасли. Это, как и кредиторская задолженность сельхозорганизаций, перешедшая все мыслимые границы и достигшая беспрецедентного уровня (в 2012 г. свыше 1,7 трлн руб., что почти на 40% превышает всю их выручку от реализации продукции, товаров и услуг), — наглядные признаки финансового банкротства российского сельского хозяйства и общего его системного кризиса.

На десятках миллионов гектаров прежде используемой земли уже нет признаков жизни. Оставшиеся в обработке угодья катастрофически теряют плодородие. Вынос питательных веществ из почвы за годы реформ в 3 раза превысил их возврат. Дозы минеральных удобрений на 1 га пашни сократились в 2 раза. Органические удобрения на 93% посевных площадей вообще не вносятся. На 75% этих площадей нарушены севообороты. Почти разрушена мелиоративная система страны. В результате урожайность основных культур, как и выход продукции растениеводства в расчете на гектар земельных угодий в сопоставимых ценах, фактически остались на том же уровне и поддерживаются за счет истощения естественного почвенного плодородия. На деле это означает, что за годы нынешних реформ Россия «сбилась» с провозглашенного и начатого 50 лет назад безальтернативного теоретически обоснованного и проверенного в мире курса на интенсификацию как главного пути устойчивого развития сельского хозяйства.

Видимо это обстоятельство заставило В.В.Путина в его предвыборной статье об экономическом развитии страны заявить, что исправить положение в сельском хозяйстве можно, если следовать основанной на прочной теоретической базе аграрной политике «всех развитых стран» [3]. А что показывает сравнительный анализ опыта

этих стран, в частности Франции, с российскими «достижениями»? На основе интенсификации как практического выражения активной протекционистской аграрной политики фондооснащенность в расчете на 1 га обрабатываемых земель и соответственно урожайность сельскохозяйственных культур и продуктивность скота во Франции в 2—3 раза и более выше показателей сельского хозяйства России. В отдельных странах — членах ВТО размеры господдержки (тем самым активизации основных факторов интенсификации) в расчете на ту же площадь в 8—10 раз и более превышают бюджетную поддержку российских товаропроизводителей.

Власти ссылаются на ограниченность ресурсов, «утвержденные» параметры государственного бюджета страны, в том числе его аграрного сегмента. Но ограниченные финансовые возможности государства характерны для любой страны, и те из них, которые достигли огромного прогресса в сельском развитии и на этой основе общих успехов в экономике, формируют структуру бюджета в соответствии с задачами пропорционального, сбалансированного социально-экономического развития, на деле создающего возможность всесторонней модернизации сельского хозяйства. Даже в вошедшей в Таможенный союз с Россией Республике Беларусь доля аграрного бюджета составляет 12%, а в бюджете ЕС превышает 40% против 1,4% в России (в дореформенный период в СССР эта доля составляла свыше 15%, в годы НЭПа — 7,5%). Нынешняя бюджетная политика с ее спортивными, военными, космическими щедротами в корне противоречит последовательной интенсификации, следовательно, системной модернизации и инновационному преобразованию всего процесса сельского развития. Вместе с тем, эта политика деформирует, искажает народнохозяйственную структуру экономики.

Очевидно, что прогрессивный мировой опыт развития сельского хозяйства — результат совсем другой аграрной политики, базирующейся на прочной теоретической основе, объективных закономерностях развития аграрных отношений. Призывать к его использованию, но ничего не менять и далее, оставляя сельское хозяйство страны в состоянии глубокого системного кризиса, или ограничиваться полумерами — значит продолжать, спотыкаясь, идти по «особому российскому» пути с его во многом советской «спецификой», в своеобразных формах трансформировавшейся в структуру нынешней вертикали власти с ее «административным» ресурсом и волевыми решениями, в том числе в аграрной политике. В условиях, когда такие решения или благовидные декларации стали нормой, надеяться, что сельское хозяйство может выйти из трясины глубокого кризиса — значит предаваться иллюзиям. Преодолеть этот кризис можно,

судя по опыту развитых стран, лишь в рамках последовательно протекционистской модели аграрных отношений как необходимого условия осуществления последовательной интенсификации сельского хозяйства. Изобретать какие-то особые, «российские», псевдотеоретические конструкции, которые «умом не понять» и втискивать в них реальную аграрную политику — это путь в никуда не только для сельского хозяйства, но и для страны в целом.

К сожалению, приверженность к особому российскому пути вопреки реальным мирохозяйственным процессам глобализации, унификации экономических отношений в рамках широких международных объединений, приоритету общечеловеческих ценностей в нашем обществе далеко не изжита, хотя существует она в аморфной, малодоказательной форме. Поэтому пока в этот путь, как своеобразную претензию на российскую исключительность, остается «только верить». Иногда творческие личности предпринимают попытки разгадать смысл этого пути или особой российской «национальной идеи». После глубоких раздумий режиссер А.Кончаловский пришел к выводу, что конструкция особого российского пути в конечном счете «ведет к катастрофе» (АиФ, 15—16 апреля 2013 г.), и с этим выводом трудно спорить. Пока же эта конструкция была и остается удобной властям для навязывания российскому обществу (и оправдания) разного рода надуманных «исторических» решений, «крутых» поворотов и переворотов, «великих переломов», «прорывных проектов» и т.д. Когда же обнаруживается их абсурдность, разрушительность, все легко списать на «перегибы», «культ личности», а в «прикладном» плане на стрелочников, исполнителей.

Из истории известна разорительность для села и крестьянства насильственной коллективизации, «ножниц цен», упомянутой политики «перекачки», причем для оправдания последней под нее подводилась теория так называемого «первоначального социалистического накопления». Последствия всего этого для сельского хозяйства и страны в целом списали в теории на Е.Преображенского, а в реальной политике ограбления крестьянства — на сталинский произвол. Сейчас бремя перекачки, масштабы ценового диспаритета уменьшены, но негативные последствия такой политики, непродуманных преобразований для сельского развития и экономики страны в целом сохраняются. Отсюда альтернатива: или извлечь уроки и опираясь на проверенные в мире базовые положения аграрной теории изменить политику, или продолжать невпопад экспериментировать и надеяться, что все провалы можно будет опять списать на особый российский путь. Пока предпочтение отдается последнему.

***

Изложенные теоретико-методологические основы становления и развития социально ориентированной рыночной системы аграрных отношений обусловливают формирование и проведение адекватной аграрной политики. Определяющее условие перехода к такой политике — экономическое и правовое обеспечение ее активной протекционистской составляющей, характерной для развитых стран. Нормативно-правовой базой реализации этого условия могли бы стать соответствующие изменения в аграрном и бюджетном законодательстве с их предметным отражением в специальной программе или особом разделе Государственной программы развития сельского хозяйства и рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия. К сожалению, необходимые изменения в Госпрограмме на 2013—2020 гг. не предусмотрены.

Литература

1. Макконнелл К., Брю С. Экономикс. —Т. 1. — М.: Республика, 1992.
2. Ключевский В.О. Сочинения в 9 томах.— Т.9. —М.: Мысль, 1987.
3. Путин В.В. О наших экономических задачах //Ведомости, 30.01.2012.
4. Буздалов И.Н. Аграрная теория: концептуальные основы. Тенденции развития и современные представления. — М.: Наука, 2005.
5. Буздалов И.Н. Российское село и крестьянство в тисках монопольного окружения.— М.: Агрорус, 2013.
6. Неэкономические грани экономики. Непознанное взаимовлияние/ Под ред. О.Т.Богомолова).— М.: Типография КЕМ, 2010.
7. Чаянов А.В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. — 2-е изд., перераб. и доп.—М.: Книгосоюз, 1927.

РЕЗЮМЕ. Рассмотрено состояние теории аграрных отношений и аграрной политики в России. Отмечается ослабление в агроэкономических исследованиях внимания к теории вопроса. Исходя из понятия теории аграрных отношений, их объективной обусловленности и закономерностей практического развития, дается обоснование приведения принципов и механизмов реализации аграрной политики в соответствие с фундаментальными положениями экономической теории и особенностями их проявления в воспроизводственном процессе в сельском хозяйстве.

ABSTRACT. The status in the theory of agrarian relations and agrarian policy in Russia has been considered, denoting the relaxation of attention to the theory of the problem in the agroeconomic research. Proceeding from the notion of the theory of agrarian relations, their objective stipulating capacity and regularities of practical development, there is given substantiation for bringing the principles and mechanisms of realizing the agrarian policy in conformity with fundamental regulations of the economic theory and specific features of their manifestation of the reproductive process in agriculture.

Контактный адрес. Буздалов Иван Николаевич, 105064, Москва, Б. Харитоньевский пер., 21/6, стр. 1, тел. 8(495)607-36-95, e-mail:tamara.buzdalova@yandex.ru